

в XV веке А. Дюрер, один из любимых классиков Олега. Олег Соколов и не "воображал", ибо почитал природу до высочайших степеней, вплоть до степени "прельщения космосом". Может быть, этот грех простится ему, ибо он не был из тех закоренелых грешников, о которых говорится: "не ведают, что творят". Он — "ведал", будучи графиком-графологом, значит, ему это было дано, как всем художникам-мистикам (мы уже отмечали это). Этот эксклюзивный дар называется "единство учения и творчества". Его надо нести как крест, осуществляя миссию искусства почти мессианскую — т. е. не для славы от людей (которая часто бывала скандальной не только для О. Соколова, но и для Е. Блаватской, например), а во славу Божью¹. В дни гонений его утешала участь религии в СССР. Но не патетически, а пафосно он писал об этом:

Молекулярное строенье естества,
Нанизано на формулу вниманье.

Один из постулатов Божества — непониманье.

"Пролог от Автора, всегда им будет Бог", — торжественно объявил он "сквозное" кредо своего творчества. Этот художник и поэт полагал свое искусство лишь служением, следованием. "Je suis" — "я следую, а не я есмь", — он говорил по-французски, и хорошо понял этот годаровский лозунг направления, под знаменем которого он присягал искусству модернизма. Советская власть недопоняла антибуржуазного, абсолютно бунтарского, чистого, как огонь, характера этого течения и третировала Олега Соколова совершенно напрасно. Теперь это ясно как день. Впрочем, в истории искусства прецеденты были...

Статья иллюстрирована работами Олега Соколова

¹т. е. творить для будущего, жить в будущем времени, которое (это еще не осознано наукой) существует и существовало всегда. Как сказано о славе, любви и времени в Евангелии от Иоанна (17:24): "Да видят славу Мою, которую Ты дал мне, ибо возлюбил Меня прежде основания мира".

Когда Дед был молодым...

...А было это лет сорок назад — если считать по обычным возрастным меркам, но применительно к Коваленко следует перейти на другой отсчет. Сегодня, когда Юры уже нет с нами, можно подвести итог: оказывается, время было над ним не властно...

Разумеется, в бытовом, физиологическом измерении годы брали свое: убрались кудри, явив мощный череп, седина ударила в бороду, а бес, как ему и положено, — в ребро. Он был эпикурейцем и гедонистом, но нашего, прилукско-одесского разлива: любил выпить, закусить и пошуметь, как Есенин в участке.

Поэт ведь тоже был из крестьян, но Юрий Андреевич прожил дольше его и к заходу Солнца приобрел схожесть и с Сократом резца Праксителя, и с Паном кисти Врубеля, и с Кола Брюньоном карандаша Кибрика...

Кражистый, с рукопожатием немереной силы, одетый и незгарбно, и артистично, этот старик, этот дед был и остается молодым. Его голубые глаза сохраняли зоркость и избирательно выхватывали из общего ряда людей и вещей лишь то, что достойно иной жизни — на его холстах, картонах, клочках бумаги. Как правило, Коваленко довольствовался малым, но отбор вел всегда по критериям, которым не изменял, не поддаваясь на соблазны.

Удивительным образом Юрий Андреевич, не получив ни званий, ни премий, ни орденов, давно был знаменит и востребован, как и не снилось иным лауреатам. Он много выставлялся, и с каждого вернисажа картины уходили в музеи, в коллекции, в подарки — а их он умел и любил делать. Журналисты, искусствоведы, критики охотно и от души писали о Коваленко, и я — в этом числе. Редко кто из собратьев по цеху может похвалиться тем, что о них при жизни создана книга, а вот Коваленко такой подарок получил: Олег Губарь придумал, создал и с любовью издал сборник "Человек с улицы Тираспольской". Не из Прилук, не из Питера, где Коваленко учился...

Сегодня можно подивиться тому, как он провидчески угадал, увидел дождливый майский день и нас, собравшихся в старом одесском дворе, чтобы проститься с его замечательным жильцом...

У его изголовья — огромные деревья, пока еще без плодов. Насторожились коты, заплакала собака... Все они, как и мы, не что, а кто. Коваленко углядел живую душу и в яблоках-грушах, и в животине, и в хатах под соломой, и в винарках, и в закоулках Староконного, где сегодня безуспешно ищет старого собеседника и собутыльника один из городских чудиков (привет от Шукшина и Венички Ерофеева) по прозвищу Параджанов...

А вот и он сам — с цветком граната и чачей в серебряном кубке — встречает друга. Седобородый, коренастый, выдумщик, перехитривший, как и наш Юра, если не годы, то время...

Анатолій ГЛУЩАК

На прощання з Юрієм Коваленком, художником і поетом

Нас батожить полум'я біди,
В цім дворі уже нема де стати...
Тут з картин його усі діди,
І бабусі, і півні, й хлоп'ята...

Саваоф, пророк чи блудний син?..
Зміборець чи козак Нетяга?
Ти зірвався з горніх стромовин,
На спізнавши страму або страху.

Світ, мов глину, наново ліпив
І купав у райдужних джерелах!
Проклинав цей світ...
Але й любив!!!
Шив за нього свій полинний келих.

Українець — з неба до землі,
Одесит в сто першій поколінні,
Не бруднився ув олжі та злі,
Не ганьбив себе на дармовині.

Ти писав церкви, а не попів,
Зневажав чинуш, які картали...

В гніві ти зубами так скрипів,
Чутно було аж за два квартали.

Ковалі сьогодні не кують.
Тяжко тужать дзвони у Прилуках, —
Ти зібрався у найдовшу путь
З невблаганим іменем розлука.

Братолюб. Галерник. Галайда.
— Прощай! — ми кажем наостанок.
Там... батьки зустрінуть... Нечерда...
Піросмані стріне... І Степанов...

